

MISCELLANEA

Научная статья
УДК 94 (57)
doi: 10.17223/2312461X/39/6

Дискурсы «Сибирских летописей»: опыт цифрового корпусного анализа текстов

Сергей Андреевич Чернышов

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, 1502911@mail.ru*

Аннотация. Впервые для анализа структурно-содержательных характеристик дискурсов «Сибирских летописей» применяется метод сплошного цифрового корпусного анализа на основе их формальной реорганизации. При помощи специализированных цифровых инструментов решаются традиционные для отечественной историографии исследовательские вопросы о структурно-типологических характеристиках отдельных групп сибирского летописного свода: о влиянии церковных структур, места, времени и авторства создания текстов на их содержание. При помощи количественного анализа текстов (прежде всего, частотности употребления лексем, объединенных в систему семантических категорий) делаются выводы о концептуальных характеристиках отдельных групп «Сибирских летописей», отчасти подтверждающих, отчасти ставящих под сомнение традиционные представления. Так, Есиповская летопись представляется наиболее универсальной совокупностью текстов с отсутствующими доминантами. Строгановская летопись отличается доминированием лексем, связанных с регулярным институциональным государственным управлением и повелеванием. Кунгурская летопись характеризуется вниманием к тактическим деталям боевых действий и минимальной рефлексией. Ремезовская летопись оценивается как символически-концептуальный текст со значительным вниманием к религиозно-моральным категориям.

Ключевые слова: Сибирские летописи, Ермак, Кучум, Строгановы, присоединение Сибири, математические методы в истории

Благодарности: Исследование выполнено в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук МК-5529.2021.2 «Присоединение Сибири как общерусский дискурс: цифровой анализ системообразующих идей “сибирских летописей”».

Для цитирования: Чернышов С.А. Дискурсы «Сибирских летописей»: опыт цифрового корпусного анализа текстов // Сибирские исторические исследования. 2023. № 1. С. 128–147. doi: 10.17223/2312461X/39/6

Original article

doi: 10.17223/2312461X/39/6

Discourses of the “Siberian Chronicles”: The Experience of Digital Corpus Analysis of Texts

Sergey A. Chernyshov

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, 1502911@mail.ru

Abstract. In this study the method of continuous digital corpus analysis based on formal reorganization is used for the first time for the analysis of the structural and content characteristics of the discourses of the Siberian Chronicles. With the help of specialized digital tools, research questions traditional for Russian historiography about the structural and typological characteristics of individual groups of the Siberian annals are solved, such as the influence of church structures, the place, time and authorship of the creation of texts on their content. With the help of a quantitative analysis of texts (first of all, the frequency of use of word forms combined into a system of categories), conclusions are drawn about the conceptual characteristics of individual groups of the Siberian Chronicles, partially confirming, partially casting doubt on traditional ideas. Thus, the Esipov Chronicle seems to be the most universal set of texts with missing dominants. The Stroganov Chronicle is distinguished by the dominance of word forms associated with regular institutional state administration and command. The Kungur chronicle is distinguished by attention to the tactical details of military operations and minimal reflection. The Remezov chronicle is evaluated as a symbolic-conceptual text with significant attention to religious and moral categories.

Keywords: Siberian chronicles, Ermak, Kuchum, Stroganovs, annexation of Siberia, mathematical methods in history

Acknowledgements: The research was carried out within the framework of the grant of the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists - candidates of Sciences MK-5529.2021.2 “The Annexation of Siberia as an all-Russian discourse: digital analysis of the system ideas of the Siberian Chronicles”.

For citation: Chernyshov, S.A. (2023) Discourses of the “Siberian Chronicles”: The Experience of Digital Corpus Analysis of Texts. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 128–147 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/39/6

Введение

«Сибирские летописи» – традиционное название для совокупности исторических повествований, посвященных походу Ермака в Сибирь и присоединению этой территории к Русскому государству. Несмотря на термин «летописи», эти тексты имеют различный типологический характер и являются фактически летописно-историческими и военными повестями, сказаниями, «историями о...», тесно связанными с компиляциями контекстов и летописно-хронологических сочинений (Дергачева-Скоп 2000: 1).

Этот массив текстов по существу является единственным важнейшим историческим источником, в котором последовательно излагаются

обстоятельства похода Ермака в Сибирь, противостояния с Кучумом, основания русских городов и других ключевых событий первоначального этапа присоединения Зауралья к Русскому государству. Поэтому «Сибирские летописи» традиционно привлекают внимание исследователей в качестве первоисточника изучения ранней истории Сибири, хотя и, как принято считать, основные тексты этого массива были созданы не ранее 1630-х гг., т.е. отстоят на 40–50 лет от описываемых событий. Дополнительную ценность «летописей» представляют разные обстоятельства их создания, что является для исследователей основанием субъектно-ориентированного анализа этих текстов с точки зрения интересов Строгановых, центрального правительства, местных элит, церкви и прочих.

За прошедший период изучения «Сибирских летописей» (ключевыми исследователями этих текстов следует считать С.В. Бахрушина, А.И. Андреева, Е.И. Дергачеву-Скоп, Н.А. Дворецкую, А.А. Преображенского, Е.К. Ромодановскую, Р.Г. Скрынникова и других) в отечественной историографии в целом сложился некоторый консенсус относительно характера и типологических свойств этих текстов.

Прежде всего, важен контекст периода создания «летописей» – «время расцвета особого типа исторической компиляции, когда главным приемом было составление исторических сборников, позволяющих сравнительно легко выстраивать из разных по содержанию и направленности сочинений единую «летопись» (Вовина-Лебедева 2012: 115). «Сибирские летописи» создаются в исторический промежуток фазового перехода от традиционного дискретного летописания к линейному, последовательному и цельному изложению событий. Одна из ключевых особенностей этого подхода – установление прагматических связей между событиями и их акторами (Журова 2016: 48).

Традиционно принято выделять несколько направлений (характеров) «Сибирских летописей»: официальная, церковная, фольклорная, приватная и другие. Так, Е.И. Дергачева-Скоп определяет три направления: официальное, официозное и фольклорное (демократическое) (Дергачева-Скоп 2000: 8), имея в виду характер происхождения текстов от разных протографов. При этом еще С.В. Бахрушин особо выделял роль архиепископа Киприана в создании первоначальных текстов всего сибирского летописного свода (Бахрушин 1955: 22). А Е.К. Ромодановская в целом говорит о провиденциалистских задачах создателей этих текстов, особенно Есиповского цикла (Ромодановская 2002: 97). Аналогичным образом – через архетипические христианские мотивы – считают возможным интерпретировать не только созданную в Тобольской архиепископии Есиповскую летопись, но и в целом все «Сибирские летописи» (включая Кунгурскую и Ремезовскую) и другие авторы (Ростовцева 2011: 20).

Традиционно Есиповскую летопись принято считать «официальным сибирским произведением», написанным дьяком Тобольского архиерейского дома Саввой Есиповым и благословленным в официальную литературную традицию архиепископом Нектарием в 1636 г. (Дергачева-Скоп 2000: 9). Характер летописных текстов этой группы оценивается как прогосударственный, околоцерковный, кроме того, исследователи традиционно подчеркивают особенности этих текстов как «местного произведения», насыщенного географическими подробностями, т.е. созданного осведомленными авторами. Строгановская группа летописей рассматривается как субъектно-ориентированная, призванная подчеркнуть особый характер рода Строгановых в присоединении Сибири. Кроме того, Е.И. Дергачева-Скоп пишет о «беллетризованном» характере этой группы текстов, «практически утративших связь с летописной традицией» (Дергачева-Скоп 2000: 16).

Наконец, особняком в этом корпусе текстов стоит Ремезовская летопись с включенным в нее «Кунгурским летописцем». Ремезовскую летопись обычно рассматривают как текст, написанный на основе некоторой совокупности концептуально-моральных категорий, среди которых «правда», «вера», служение человека государству, стремление поставить Ермака в один ряд с величайшими героями российской истории и другие. В свою летопись С.У. Ремезов, как принято считать, механически включил найденный им в 1703 г. сборник текстов, где зафиксированы ранние устные легенды и предания о походе Ермака в Сибирь (Катаргина 1996: 38), – Кунгурский летописец или Кунгурскую летопись. Кунгурская летопись рассматривается как единственный известный нам текст, сохранивший ранние народные воззрения о походе Ермака, которые восходят едва ли не к самим участникам «Сибирского взятия» (Блажес 2002: 16).

В настоящее время «Сибирские летописи» представляются в целом изученным сборником текстов, по отношению к характеру которых сложился исследовательский консенсус и которые используются как первоисточники в отдельных частных вопросах по поводу раннего периода присоединения Сибири к Русскому государству. В этом смысле характерными являются современные работы Я.Г. Солодкина, который, используя тексты летописей, интерпретирует хронологические аспекты «Сибирского взятия» (Солодкин 2011) или его отдельных эпизодов (Солодкин 2015), Ю.С. Худякова, анализирующего, например, изображения воинов в Ремезовской летописи (Худяков 2013), и других авторов. Наконец, отдельные авторы лишь относительно недавно стали использовать в отношении «Сибирских летописей» технологии цифрового семантического анализа, основанного на машинной обработке данных. Таково, в частности, исследование, посвященное семантическому полю пространства в сибирских летописных текстах (Инютина 2018: 72).

Потенциал цифровых количественных методов для анализа дискурсов «Сибирских летописей»

Следует констатировать, что сложившиеся к настоящему времени представления о характере и типологических свойствах «Сибирских летописей» основаны почти исключительно на основе традиционных инструментов историко-филологических исследований, потенциал которых по отношению к этим текстам, по всей видимости, исчерпан. Примечательно при этом, что «Сибирские летописи» до сих пор не подвергались сплошному изучению на основе цифрового корпусного анализа имеющихся текстов количественными методами.

Вместе с тем потенциал цифровых методов анализа «Сибирских летописей» представляется наиболее перспективным направлением междисциплинарных тематических исследований. Количественные методы исследования больших массивов текстов сегодня являются одним из активно развивающихся составляющих Digital Humanities наряду с ГИС-технологиями, компьютерным моделированием исторических процессов на основе Big-data и другими. Несмотря на известные ограничения, технологии и методы корпусного анализа текстов, предполагающие сплошной количественный анализ дискурсов «Сибирских летописей» на основе их цифровой обработки и реорганизации, претендуют на некоторую объективность и допускают возможность отказа от того или иного канона (Гагарина, Корниенко 2019: 179) (хотя и не отрицают его априори, ставя те или иные исследовательские вопросы).

В отечественной науке пока не сложился общепризнанный термин, означающий совокупность механизмов по формальной реорганизации текстов и проведения их статистического корпусного анализа. В мировой практике таким термином обычно считается введенное в научный лексикон во Франции определение этих механизмов как «лексикометрия» (1960-е гг.) или «текстометрия» (1990-е гг.), или в целом – текстометрический анализ («analyse textométrique») (Власенко 2009: 43). Важно отметить, что применение математических методов в гуманитарных науках практиковалось и в нашей стране, по меньшей мере, с 1970-х гг., в том числе для анализа древнерусских летописных сводов. Так, в 1970 г. вышла статья, в которой ряд авторов на основе разработанной ими программы для ЭВМ поставили вопрос об определении авторства текстов летописей на основе количественных методов анализа, сделав вывод о том, что «несмотря на сложность древнерусских текстов, размытость авторских стиливых особенностей вследствие влияния жанров и литературных авторитетов, наличия редакторских вторжений, существует возможность выделения некоторых отдельных черт в языке отдельных писателей» (Бородкин, Милов, Морозова 1970: 323). Л.И. Бородкин и по сей день – один из ключевых отечественных экспертов и

сторонников внедрения математических методов в анализ исторических процессов (в терминологии его научной школы – «исторической информатики»).

Таким образом, потенциал цифрового количественного анализа «Сибирских летописей» может быть заключен в возможности поиска новых ответов на традиционные вопросы о типологических и сюжетных характеристиках известных текстов.

Методы, механика и гипотезы исследования

Интегрируя сложившиеся традиционные представления о дискурсах «Сибирских летописей», для количественного статистического анализа текстов мы поставили вопрос о типологических, стилистических, сюжетных и содержательных различиях Есиповской, Строгановской, Кунгурской и Ремезовской летописей, которые возможно выявить исключительно при помощи инструментария статистической аналитики.

Для решения поставленного исследовательского вопроса мною было использовано классическое издание «Сибирских летописей», выполненное Императорской археографической комиссией в 1907 г. (Сибирские летописи 1907). Данный сборник содержит семь текстов группы Есиповской летописи (по Сычевскому списку, по списку Ундонского, по Абрамовскому списку, по Румянцовскому списку, по Погодинскому списку, по Бузуновскому списку, по Головинскому списку), три текста группы Строгановской летописи (по списку Спасского, по Толстовскому списку, в сокращении по Афанасьевскому списку), а также Ремезовскую летопись по Мировичеву списку. Поскольку в данном издании Кунгурская летопись присутствует в составе Ремезовской летописи, анализ текстов был проведен как в издании, а также отдельно – путем механического вычленения текста Кунгурской летописи на основании классических подходов Е.И. Дергачевой-Скоп к определению границ одного текста в составе другого (Летописи сибирские 1991).

После оцифровки и технической обработки текстов (удаления или замены букв старого алфавита, разделения текста на отдельные составляющие, удаления технической информации и проч.) они были подвергнуты формальной реорганизации. Лемматизация (приведение лексем в исходный вид согласно правилам современного русского языка) была проведена при помощи программного комплекса MyStem (<https://yandex.ru/dev/mystem/>), статистический анализ текстов (частотность лексических единиц) был выполнен при помощи программного комплекса Antconc.

Для целей настоящего исследования в программном комплексе Antconc использовалась только одна функция – определение частотности лексем. Поскольку я не ставил задачу анализа сочетания категорий,

метрик TF-IDF (term frequency – inverted document frequency), позволяющих определить специфичность терминов (сочетания терминов) для конкретного текста и других исследовательских задач, было принято решение ограничиться исключительно частотностью лексических единиц, так как, на мой взгляд, этих данных достаточно для определения структурных различий между текстами, что и является ключевым исследовательским вопросом настоящей статьи. В этом смысле проведенный анализ является анализом «верхнего уровня», базовым количественным анализом данного корпуса текстов, который не ставит задачу анализа системы взаимосвязей, отдельных смысловых акцентов текстов и т.д.

Для сплошного количественного анализа «Сибирских летописей» мною была разработана система семантических категорий, в основе которой лежат устоявшиеся («канонические») представления об анализируемых текстах. С учетом поставленного исследовательского вопроса о различиях отдельных сводов «Сибирских летописей» система семантических категорий учитывает устоявшиеся дискурсы о государствоцентризме и провиденциализме отдельных текстов (поэтому в систему категорий включены «Русское государство, народ и институты» и «Религия и церковь»), о морализаторстве и идеологическом, уничижительным по отношению к врагу («чужому») характере отдельных текстов (поэтому здесь присутствуют категории «Локальные государства, народы и институты» и «Оценочная терминология»), об осведомленности или неосведомленности отдельных авторов относительно реального хода событий в процессе присоединения Сибири (это позволяет проанализировать частотность лексем категорий «Топонимика» и «События и действия»), наконец, ряд текстов традиционно считаются «народными» или лично ориентированными – этот показатель я анализирую посредством категорий «Народ» и «Отдельные личности» (табл. 1).

В качестве минимального значения, при котором лексема учитывалась при анализе текста, был выбран следующий показатель: пять упоминаний (включительно) хотя бы в одном из текстов.

Таблица 1

**Система смысловых категорий, используемая
для количественного анализа «Сибирских летописей»**

Категория	Подкатегория	Лексемы, встречающиеся хотя бы в одном из текстов 5 раз и более
Русское государство, народ и институты	Глава государства	Государь, государьский, государев, самодержец
	Институты государственности	Воевода, войско, воинство, дьяк, ясак, есак, вотчина, волость, грамота, острожки, крепости
	Принадлежность к Русскому государству или русскому народу	Россия, Русь, русский, российский, держава

Категория	Подкатегория	Лексемы, встречающиеся хотя бы в одном из текстов 5 раз и более
Религия и церковь	Бог	Бог, троица, господь, божий, богородица, пречистая
	Люди церкви	Православный, христианин, христиан, христов, христианский, святой, пресвятой, святитель
	Церковь и церковная жизнь	Церковь, вера, молитва, икона
Топонимика	Названия поселений и территорий	Град, городок, город, Сибирь, Сибирский, Москва, Тоболск, Тоболеск, Кашлык, Пермский, Пермь
	Гидронимы	Река, Иртыш, Обь, Тобол, Вагай, Тавда, Волга, поволский, волский, Чюсовой, Пелым, Чердынъ, Кама, Устье
	Иные природные объекты	Гора, Камень, Чюшашев
Оценочная терминология	Позитивная коннотация	Благочестивый, мудрость, мудрый, слава, честь, честный, храбрый, храбрость, богатство
	Негативная коннотация	Поганый, погань, окаянный, безбожный, нечестивый
Локальные государства, народы и институты	Отдельные персоны	Кучум, Маметкул, Сейдяк, Жена (Кучума)
	Институты государственности	Царство, салтан, карача, карачи, царевич, царевичь, мурза, посол, орда, улус, бусурман, бусурманский
	Принадлежность к локальным государствам или народам	Татарин, тотар, остяк, остяцкий, самоядец, вогулич, бухарц
Народ	Отдельные персоны	Ермак, Ермаков, атаман, атаманов
	Сообщества	Казак, казачий, козак, казац, дружина, товарищ, людие
Отдельные личности	Кучум, Ермак, Ермаков, Сейдяк, Строганов (Максим, Никита, Григорий, Семен...), Чингис, Маметкул	
События и действия	Передвижения	Придош, поидош, ийти, доидош, прида, идеж, ийти, приход, пришед, побегош, пришествие и т.п., бегство, бежать, становиться, стоять, возвратишась, возвращаться, ехать, приезжать, ездить, волочь
	Боевые действия, акты насилия	Побивать, поби, воевать, взяш, взять, покорять, бой, нападош, побеждать, победа, одолеша, убиение, убивать, убиша, погребош, отпускать
	Акты коммуникаций, взаимодействия и восприятия	Реча, слышать, сказаша, глаголать, сказать, вид, видеть, видение, видевший
	Властные действия	Пожаловать, посылать, присылать, повела, повеление, велеть
	Созидательные действия	Поставиша, поставлять

В количественном анализе текстов с использованием указанной системы категорий и подкатегорий были использованы не абсолютные, а относительные данные, поскольку исходные тексты имеют различный

объем (от 837 до 11 275 слов в отдельных списках). Относительные показатели рассчитывались как доля лексемы/лексем в общем количестве слов в процентах (пример расчета приведен в табл. 2), количество знаков после запятой округлено до двух. Такой подход позволяет анализировать содержательную часть разных по объему текстов более объективно.

Таблица 2

**Пример пересчета абсолютных показателей упоминаемости лексем
в относительные**

Лексема	Есиповская летопись по Абрамовскому списку (всего слов – 5 175)		Строгановская летопись в сокращении по Афанасьевскому списку (всего слов – 1 531)	
	Количество упоминаний (абсолютное значение)	Доля упоминаний (% от общего количества слов в тексте)	Количество упоминаний (абсолютное значение)	Доля упоминаний (% от общего количества слов в тексте)
Государь, государьский, государев	27	0,5	7	0,46
Бог, троица, господь	30	0,58	9	0,59

Наконец, для лаконичности презентации результатов данные по Есиповской группе летописей, включающей семь текстов, и Строгановской группе летописей, включающей три текста, представлены в виде среднего значения.

Структурно-содержательные различия текстов различных сводов (групп) «Сибирских летописей» определялись исходя из гипотезы «верхнего» уровня об интенсивности употребления в текстах отдельных лексем, подкатегорий и категорий. Эта гипотеза основана на критерии частотности употребления лексем и словоформ в качестве ключевого инструмента для структурно-содержательного анализа текстов, традиционно применяющегося в компьютеризированных анализах текстов (Гарскова 2015), а также идее о «макроскопе» в качестве обобщенного аналитического инструмента в цифровой гуманитаристике (Гагарина, Корниенко 2019: 179). Чем чаще в тексте встречается та или иная лексема (а в обобщенном виде – подкатегория и категория), тем значимее для автора текстов соответствующая тематика, что стимулирует уделять этой тематике большее значение (выраженное в количестве употреблений) в текстах. В данном случае неважно, с какой коннотацией употребляется эта лексема, для поставленного нами исследовательского вопроса и выделенной системы категорий значимым является уже само наличие тех или иных лексем в тексте и частотность их употребления.

Таким образом, поставленный исследовательский вопрос в настоящем исследовании решается через инструментарий частотности лексем, объединенных в категории и подкатегории. При одинаковой или схожей частотности следует сделать вывод о структурной схожести текстов в отношении той или иной категории (а значит тематической характеристики текстов), при отличающейся частотности следует сделать вывод об отличиях того или иного свода летописей.

Описанные методы и механизмы исследования имеют известные ограничения. Прежде всего, поскольку в качестве исходных материалов используются не табличные базы данных со стандартными полями и записями, а полнотекстовые материалы, это вносит фактор субъективного выбора категорий и подкатегорий при анализе текстов. Применяемая для анализа структура в этом смысле не является «естественной» для исходных материалов. Однако, по устоявшемуся мнению, это не противоречит возможности работы с комплексом подобных текстов как массовым источником (Гарскова, Симонженкова 2019: 173) и является по существу общераспространенной современной парадигмой работы с текстами на основе конкретных исследовательских задач и дизайна того или иного научного проекта (Гарскова 2015).

Результаты исследования

Анализ относительных показателей упоминаемости категорий, подкатегорий и лексем «Сибирских летописей» действительно демонстрирует нам концептуально-содержательные различия между отдельными группами текстов и даже внутри этих групп. Опуская различия среди текстов одной группы летописей, остановимся на категорийном анализе текстов.

Упомянув о государстве, правителе и государственных институтах, авторы летописей различных групп действительно неравномерно распределяют акценты. Количественный анализ показывает, что наименее ориентированными на категорию «Русское государство, народ и институты» являются Кунгурская и Ремезовская летописи, а чаще всего лексемы этой категории встречаются в текстах группы Строгановской летописи, хотя традиционно эта группа считается «приватной» в отличие от группы Есиповской летописи. По частотности употребления лексем Строгановские летописи предстают наиболее «системным» с точки зрения логики государственного управления корпусом текстов – скажем, только здесь регулярно встречаются лексемы «грамота», «острошки, крепости», «дьяк», словом, те, которые характеризуют технологическую сторону политической системы государства и другие. Кроме того, мы видим существенно более высокую долю упоминания в Строгановских летописях подкатегории «Глава государства» – 0,79%,

что практически в 2 раза чаще, чем в «официальной» Есиповской летописи. Из этого можно сделать вывод, что автор (авторы) текстов группы Строгановской летописи не только уделяли большее внимание реверансам в сторону верховной власти, но и оказались более внимательны к институтам осуществления государственной власти («дьяк», «грамота» и другие), что может говорить об их большей осведомленности в процессе реализации управленческих действий в целом (табл. 3).

Таблица 3

Категория «Русское государство, народ и институты»

Лексема	Группа Есиповской летописи (в среднем)	Кунгурская летопись	Ремезовская (без Кунгурской)	Ремезовская (вместе с Кунгурской)	Группа Строгановской летописи (в среднем)
«Отечественное государство» в целом	1,25	1,12	0,71	0,95	1,90
Глава государства	0,41	0,13	0,20	0,16	0,79
Институты государственности	0,53	0,66	0,45	0,57	0,68
Воевода	0,41	0,04	0,30	0,15	0,25
Войско, воинство	0,23	0,01	0,09	0,04	0,12
Дьяк					0,11
Ясак, есак	0,06	0,47	0,05	0,30	0,04
Вотчина	0,06				
Волость		0,14		0,08	
Грамота					0,14
Острошки, крепости					0,31
Принадлежность к Русскому государству или русскому народу	0,43	0,33	0,07	0,22	0,44

В категории «Религия и церковь» значительной разницы между группами летописей в основном не наблюдается. Исключение составляет Ремезовская летопись, где отсылки к лексемам подкатегории «Бог» встречаются существенно чаще, чем в других текстах – даже чем в текстах группы Есиповской летописи, традиционно считающейся «околоцерковной» (2,03% всех лексем против 1,23% соответственно). Отдельно следует упомянуть, что только в Ремезовской летописи (в той части, которая не относится к Кунгурской) регулярно встречаются лексемы «Богородица», «пречистая» и т.п. Эти данные, с одной стороны, косвенно подтверждают провиденциалистский характер Ремезовской летописи, с другой стороны, не подтверждают значительное влияние

церковной (и в целом теологической) терминологии по отношению к группе Есиповской летописи (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Категория «Религия и церковь»

Лексема	Группа летописи (в среднем)	Кунгурская летопись	Ремезовская (без Кунгурской)	Ремезовская (вместе с Кунгурской)	Группа Строгановской летописи (в среднем)
«Религия и церковь» в целом	1,23	0,88	2,03	1,42	0,93
Бог	0,71	0,62	1,18	0,85	0,68
Бог, троица, господь	0,50	0,37	0,86	0,57	0,62
Божий	0,21	0,22	0,12	0,18	0,18
Богородица, пречистая		0,04	0,20	0,10	
Люди церкви	0,55	0,17	0,61	0,35	0,30
Церковь и церковная жизнь	0,14	0,09	0,25	0,22	0,16

Близко к этой категории стоит оценочная терминология, встречающаяся в «Сибирских летописях». Следует оговориться, что это априори наиболее противоречивая категория для оценки, введенная в исследование как объект количественного анализа для потенциальной возможности оценить степень влияния упомянутых концептуально-моральных категорий («правда», «вера», «служение» и прочие) на тексты различных групп летописей. Традиционно, как мы уже говорили, характер этого влияния особо приписывается Ремезовской летописи, он же, по существу, должен выделяться в группе Есиповской летописи.

В целом не вызывает сомнений включение в категорию оценочных суждений лексем «мудрый», «благочестивый», «честь, честный», «нечестивый» и аналогичных. Включение лексем «погань, поганый» в качестве оценочной терминологии с негативной коннотацией может вызывать дискуссии, однако для демонстрации объективной картины анализ этой категории в таблицах приведен целиком, с отдельными лексемами.

В результате мы видим, что оценочная терминология с позитивной коннотацией (лексемы «мудрый», «слава», «честь») действительно присутствуют в основном в Ремезовской летописи (без Кунгурской), при этом в ней же практически отсутствует оценочная терминология с негативной коннотацией. Напротив, негативная терминология присутствует в текстах групп Есиповской и Строгановской летописей, правда, в основном речь идет о лексемах «погань», «поганый». Примечательно,

что Кунгурская летопись, и отчасти Ремезовская, выделяется часто встречающейся категорией «богатство» (табл. 5).

Количественный анализ оценочной терминологии «Сибирских летописей», таким образом, позволяет сделать вывод о выраженном значении морально-этических категорий в тексте Ремезовской летописи, а также о доминировании негативных оценочных коннотаций (видимо, упоминаемых в целях подтверждения идеологических установок авторов) в других группах летописей.

Таблица 5

Категория «Оценочная терминология»

Лексема	Группа Есиповской летописи (в среднем)	Кунгурская летопись	Ремезовская (без Кунгурской)	Ремезовская (вместе с Кунгурской)	Группа Строгановской летописи (в среднем)
«Оценочная терминология» в целом	0,70	0,23	0,57	0,37	1,02
Позитивная коннотация	0,11	0,15	0,50	0,30	0,39
Благочестивый	0,11				0,10
Мудрость, мудрый			0,21	0,09	
Слава		0,01	0,11	0,05	
Честь, честный		0,05	0,11	0,07	0,12
Храбрый, храбрость					0,22
Богатство		0,09	0,07	0,08	
Негативная коннотация	0,60	0,08	0,07	0,07	0,76
Поганый, погань	0,49	0,08	0,07	0,07	0,46
Окаянный	0,03				0,23
Безбожный	0,02				0,19
Нечестивый	0,12				0,08

Топонимический анализ «Сибирских летописей» в целом демонстрирует различную осведомленность авторов о тех или иных объектах среды. Наиболее распространенными лексемами во всех группах летописей ожидаемо являются «Град (городок)» и «Река». Авторы группы текстов Есиповской летописи действительно наиболее внимательны к топонимике, в среднем каждое двадцатое слово (5,04% всех лексем) здесь относилось к названиям поселений, гидронимам, иным природным объектам или отдельным территориям. Примечательно, что и авторы группы Строгановской летописи довольно внимательны к топонимике, особенно в части наименований поселений и территорий, что еще раз подтверждает системно-институциональный характер этих тек-

стов. Кроме того, только в Строгановских летописях встречается топонимика, относящаяся к Перми и Уралу – «Пермь», «Пермский», «Кама», «Чердынь», «Пелым», что в целом ожидаемо, но демонстрирует, однако, незнание этих в целом важных для похода Ермака деталей авторами других текстов. Еще одна важная деталь количественного анализа этой категории: только в Ремезовской и Кунгурской летописях регулярно упоминается наименование «Кашлык» для обозначения столицы Сибирского ханства (табл. 6).

Таблица 6

Категория «Топонимика»

Лексема	Группа Есиповской летописи (в среднем)	Кунгурская летопись	Ремезовская (без Кунгурской)	Ремезовская (вместе с Кунгурской)	Группа Строгановской летописи (в среднем)
«Топонимика» в целом	5,04	3,38	2,01	2,64	4,00
Названия поселений и территорий	3,03	1,55	1,51	1,54	2,87
Гидронимы	1,95	1,55	0,39	0,91	1,13
Иные природные объекты	0,11	0,27	0,11	0,20	

Две следующие категории – «Народ» и «Отдельные личности» – демонстрируют структурные различия между группами летописей в части упоминания лиц и сообществ, непосредственно не связанных с государством. Категория «Народ» во всех летописях представлена довольно скупо, и в основном это упоминание Ермака как отдельного персонажа, а также его дружины, упоминаемой в разных лексемах – «Казак», «Дружина», «Товарищ» и другие. Из табл. 7 видно, что в Кунгурской летописи действительно чаще других упоминается лексема «Ермак», однако это доминирование не является критическим – 1,11% всех лексем против 0,75% в Есиповской летописи. Все летописи так или иначе довольно интенсивно говорят о Ермаке.

Ермак же является и самой упоминаемой личностью в летописях в целом – его имя авторы этих текстов употребляют чаще, чем имя любого из царей (Кучум, Иван Васильевич, Фёдор Иванович и другие). Таким образом, «Сибирские летописи» с точки зрения количественного корпусного анализа – это тексты о противостоянии Кучума и Ермака, в которых периодически упоминаются и другие исторические персонажи. Ожидаемо среди прочих летописей фамилию Строгановых и отдельных представителей рода упоминает группа Строгановской летописи – в среднем в 3 раза чаще, чем в группе Есиповской летописи (табл. 8).

Таблица 7

Категория «Народ»

Лексема	Группа Есиповской летописи (в среднем)	Кунгурская летопись	Ремезовская (без Кунгурской)	Ремезовская (вместе с Кунгурской)	Группа Строгановской летописи (в среднем)
«Народ» в целом	2,15	2,15	0,71	1,55	2,13
Отдельные персоны	1,04	1,20	0,52	0,91	0,79
Ермак, Ермаков	0,75	1,11	0,46	0,84	0,58
Атаман, атаманов	0,28	0,09	0,05	0,07	0,64
Сообщества	1,12	0,96	0,20	0,64	1,34
Казак, казачий, козак, казац	0,94	0,75	0,09	0,48	0,88
Дружина	0,14	0,14	0,09	0,12	0,36
Товарищ	0,13	0,06	0,02	0,04	0,12
Людие	0,14				0,04

Таблица 8

Категория «Отдельные личности»

Лексема	Группа Есиповской летописи (в среднем)	Кунгурская летопись	Ремезовская (без Кунгурской)	Ремезовская (вместе с Кунгурской)	Группа Строгановской летописи (в среднем)
Отдельные личности					
Кучум	0,65	0,73	0,34	0,56	0,33
Ермак, Ермаков	0,75	1,11	0,46	0,84	0,58
Строганов (Максим, Никита, Григорий, Семен...)	0,13	0,13		0,07	0,35

Отдельный интерес представляет и событийное наполнение текстов «Сибирских летописей». Все тексты, вне зависимости от их групповой принадлежности, являются очень динамичными с точки зрения количественного анализа. Герои летописных текстов, прежде всего, постоянно куда-то передвигаются – подкатегория «Передвижения» (лексемы «придош», «пришед», «идти» и другие) является здесь, как правило, доминирующей.

Здесь необходимо обратить внимание на некоторые содержательные особенности Кунгурской летописи, которая в этой категории существенно отличается от остальных. Только в Кунгурской летописи наиболее частотной является подкатегория «Боевые действия, акты

насилия» (лексемы «взять», «бой», «погребать» и аналогичные). Кроме того, только в Кунгурской летописи со значительной периодичностью встречаются лексемы «ехать» («приезжать», «ездить») и «волочь», а также в этом тексте явно доминирует подкатегория лексем, связанных с актами коммуникаций – прежде всего, «видеть», «видение» и аналогичные. Кунгурская летопись, таким образом, не только наиболее «агрессивная» среди прочих сибирских текстов, но и наиболее детальная в отношении тактических боевых действий (табл. 9).

Т а б л и ц а 9

Категория «События и действия»

Лексема	Группа Есиповской летописи (в среднем)	Кунгурская летопись	Ремезовская (без Кунгурской)	Ремезовская (вместе с Кунгурской)	Группа Строгановской летописи (в среднем)
«События и действия» в целом	1,80	2,93	1,78	2,50	2,50
Передвижения	0,83	0,88	0,62	0,77	0,96
Боевые действия, акты насилия	0,63	1,20	0,59	0,94	0,54
Акты коммуникаций, взаимодействия и восприятия	0,37	0,74	0,32	0,55	0,31
Властные действия	0,29	0,10	0,16	0,19	0,49
Созидательные действия	0,12	0,01	0,09	0,04	0,20

Обращает на себя внимание и доминирование подкатегории «Властные действия» в группе Строгановской летописи. Как в категории «Русское государство, народ и институты» авторы этой группы скрупулезно описывают институциональные особенности государственного устройства, здесь только они с высокой частотностью применяют лексемы «пожаловать», «посылать» и особенно «велеть» («повела», «повеление» и аналогичные).

Заключение

Количественный цифровой анализ «Сибирских летописей» действительно демонстрирует концептуально-структурное различие между этими текстами. Резюмируя приведенные данные по различным категориям, выделенным для корпусного анализа текстов, возможно дать следующие характеристики группам летописных текстов.

Группа Есиповской летописи, с точки зрения количественного анализа, является наиболее «универсальной» совокупностью текстов, в

которой сложно или практически невозможно выделить отдельные доминирующие характеристики. Количественный цифровой анализ в целом свидетельствуют об особом внимании авторов текстов этой группы к географическим подробностям повествования и вниманию к топонимике, что подтверждает их осведомленность в этом вопросе. Однако невозможно подтвердить особый характер этих текстов как «церковно-официального» повествования, поскольку в сравнении с другими группами летописей категории «Религия и Церковь» и «Русское государство, народ и институты» не являются явно доминирующими.

Группу Строгановской летописи, кроме известного доминирования упоминания Строгановых, невозможно рассматривать исключительно как «приватные» тексты, призванные подчеркнуть роль отдельной фамилии в покорении Сибири. Незначительно отставая от Есиповской летописи в «сибирской» топонимике, авторы Строгановских летописей вводят в дискурсы «Сибирского взятия» географические детали Урала и Перми. Кроме того, авторы Строгановских летописей явно лучше других осведомлены о деталях осуществления государственного управления и властвования в целом, что подтверждается доминированием институциональных лексем повелевания, организации органов и институтов власти, лексем, связанных непосредственно с главой государства. В этом смысле Строгановские летописи более государственно-ориентированные, чем любая другая группа текстов.

Кунгурскую летопись на фоне других отличает внимание к тактическим деталям боевых действий, отсутствие рефлексивного оценочного контекста, а также невнимание к государственным институтам и местной топонимике. Этот текст очень конкретный, динамичный, сосредоточенный на Ермаке и его дружине, конкретных действиях казаков в Сибири и понятном целеполагании – скажем, только здесь со значительной частотой употребляется лексема «богатство».

Ремезовская летопись, несомненно, скорее символически-концептуальное, нежели описательно-конкретное повествование. Этот текст отличает невысокое внимание к деталям (как личностным, так и топонимическим), но значительная частотность лексем, связанных с религией, богом, позитивно-возвышенными оценочными коннотациями по отношению к отдельным персонажам.

Таким образом, часть исследовательских проблем в рамках поставленного вопроса о структурно-содержательных различиях между отдельными сводами «Сибирских летописей» решена в ключе «канонических» представлений об анализируемых текстах, а часть корректирует эти представления.

Применение структурно-количественных методов в отношении анализа текстов «Сибирских летописей», несмотря на известные ограничения, как представляется, имеет значительный потенциал в части реше-

ния иных исследовательских задач, не представленных в настоящей статье. Если здесь был поставлен исследовательский вопрос «верхнего» уровня, о системных структурно-содержательных особенностях отдельных сводов летописей, то дальнейшим развитием такого подхода могут стать вопросы анализа конкордансов, сочетания категорий и прочие, что позволит на основе количественных методов внести вклад в дискуссию по традиционной проблематике историографии «Сибирских летописей». В частности, об отдельных семиотических аспектах текстов (например, образы «чужого», Сибирского царства, Кучума, московских правителей с точки зрения авторов летописей), о различиях между текстами одной группы летописей, о стратегиях «сокращения» летописей в известных сводах, о соотношении «морализаторства» и «информирования» и прочем.

Фактически речь идет о дополнительных возможностях реконструкции механизмов, субъектных характеристик и самого процесса формирования представлений авторов «Сибирских летописей» и иных связанных с ними текстов о раннем этапе присоединения Сибири к Русскому государству.

Список источников

- Бахрушин С.В. Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3, ч. 1.
- Блажес В.В. Фольклор Урала: Народная история о Ермаке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.
- Бородкин Л.И., Милов Л.В., Морозова Л.Е. К вопросу о формальном анализе авторских особенностей стиля в произведениях Древней Руси // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М.: Изд-во МГУ, 1970. С. 298–326.
- Власенко Н.А. Текстометрические исследования многоязычных научных текстов // Международный научный журнал «УСиМ». 2009. № 2. С. 43–47.
- Вовина-Лебедева В.Г. К истории летописных сборников XVII–XVIII вв. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, № 12. С. 109–116.
- Гагарина Д.А., Корниенко С.И. Цифровая оптика: микро и макро в историческом исследовании // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 3 (49). С. 175–184.
- Гарскова И.М. Новые тенденции в компьютеризованном анализе текстов: концепции, методы, технологии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6, вып. 8 (41). URL: <http://history.jes.su/s207987840001255-9-1>
- Гарскова И.М., Симонженкова Е.М. О формализованной методике анализа комплексов мемуарных источников // Историческая информатика. 2019. № 1. С. 169–188.
- Дергачева-Скоп Е.И. Сибирское летописание в общерусском литературном контексте конца XVI – середины XVIII вв.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2000.
- Журова Л.И. Функции начала и конца повествования в Сибирских летописях (группа Есиповской летописи) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 3. С. 47–52.
- Инютина Л.А. Лексическая репрезентация представления о покорении Сибири в летописных текстах XVII–XVIII веков // Научный диалог. 2018. № 3. С. 62–75.
- Катаргина М.Н. Литературная история Кунгурской летописи // Дергачевские чтения – 96. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: тези-

- сы докладов и сообщений научной конференции, Екатеринбург, 23–24 мая 1996 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. С. 38–40.
- Летописи сибирские* / сост. Е.И. Дергачева-Скоп. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1991. С. 245–267.
- Ромодановская Е.К.* Сибирь и литература XVII века. Избранные труды. Новосибирск: Наука, 2002.
- Ростовцева Ю.А.* Сибирские летописи в контексте библейской традиции: история Ермака как христианский археосюжет // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 343. С. 19–22.
- Сибирские летописи.* СПб.: Изд-во Императорской археографической комиссии, 1907.
- Солодкин Я.Г.* Окончательный разгром Кучума (1598 г.) в Сибирской летописной традиции // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2015. № 4. С. 23–28.
- Солодкин Я.Г.* Хронология «Сибирского взятия» в русском летописании конца XVI–XVII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 4 (46). С. 52–57.
- Худяков Ю.С.* Изображения оружия татарских и русских воинов на миниатюрах Ремезовской летописи // Средневековые тюрко-татарские государства. 2013. № 5. С. 114–118.

References

- Bakhrushin S.V. (1955) Nauchnyye Trudy [Scientific works]. Vol. 3, part 1. Moscow.
- Blazhes V.V. (2002) Fol'klor Urala: Narodnaya istoriya o Yermake [Folklore of the Urals: Folk story about Yermak]. Yekaterinburg.
- Borodkin L.I., Milov L.V., Morozova L.E. (1970) K voprosu o formal'nom analize avtorskikh osobennostey stilya v proizvedeniyakh Drevney Rusi [To the question of the formal analysis of the author's features of style in the works of Ancient Rus'], *Matematicheskiye metody v istoriko-ekonomicheskikh i istoriko-kul'turnykh issledovaniyakh*, pp. 298–326.
- Vlasenko, N. A. (2009) Tekstometricheskiye issledovaniya mnogoyazychnykh nauchnykh tekstov [Textometric studies of multilingual scientific texts], *Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal «USiM»*, no. 2, pp. 43–47.
- Vovina-Lebedeva V.G. (2012) K istorii letopisnykh sbornikov XVII–XVIII vv. [On the history of chronicle collections of the 17th–18th centuries], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya*, no. 12, pp. 109–116.
- Gagarina D.A., Kornienko S.I. (2019) Tsifrovaya optika: mikro I makro v istoricheskom issledovanii [Digital optics: micro and macro in historical research], *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, no. 3 (49), pp. 175–184.
- Garskova I.M. (2015) Novyye tendentsii v komp'yuterizovannom analize tekstov: kontseptsii, metody, tekhnologii [New trends in computerized text analysis: concepts, methods, technologies], *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya»*, issue 8 (41). Available at: <http://history.jes.su/s207987840001255-9-1>
- Garskova I.M., Simonzhenkova E.M. (2019) O formalizovannoy metodike analiza kompleksov memuariykh istochnikov [On the formalized methodology for analyzing complexes of memoir sources], *Istoricheskaya informatika*, no. 1, pp. 169–188.
- Dergacheva-Skop E.I. (2000) Sibirskoye letopisaniye v obshcherusskom literaturnom kontekste kontsa XVI – serediny XVIII vv.: avtoreferat dis. ... doktora filologicheskikh nauk [Siberian Chronicle in the All-Russian Literary Context of the End of the 16th - the Middle of the 18th Centuries. : abstract dis. ... Doctor of Philology]. Yekaterinburg.
- Zhurova L.I. (2016) Funktsii nachala i kontsa povestvovaniya v Sibirskikh letopisyakh (grupa Yesipovskoy letopisi) [Functions of the beginning and end of the narrative in the Siberian Chronicles (Group of the Esipov Chronicle)], *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*, no. 3, pp. 47–52.

- Inyutina L.A. (2018) Leksicheskaya reprezentatsiya predstavleniya o pokoreniy Sibiri v letopisnykh tekstakh XVII—XVIII vekov [Lexical representation of the notion of the conquest of Siberia in chronicle texts of the 17th—18th centuries], *Nauchnyy dialog*, no. 3, pp. 62–75.
- Katargina M.N. (1996) Literaturnaya istoriya Kungurskoy letopisi [Literary history of the Kungur chronicle], *Dergachevskiy chteniye – 96. Russkaya literatura: natsional'noye razvitiye i regional'nyye osobennosti: tezisy dokladov i soobshcheniy nauchnoy konferentsii*. Yekaterinburg, May 23–24, pp. 38–40.
- Letopisi sibirskiy [Siberian Chronicles]. Novosibirsk, 1991.
- Romodanovskaya E.K. (2002) Sibir' i literatura XVII veka. Izbrannyye Trudy [Siberia and literature of the 17th century. Selected works]. Novosibirsk.
- Rostovtseva Yu.A. (2011) Sibirskiy letopisi v kontekste bibleyskoy traditsii: istoriya Yermaka kak khristianskiy arkheosyuzhet [Siberian chronicles in the context of the biblical tradition: the history of Yermak as a Christian archaeo-plot], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 343, pp. 19–22.
- Sibirskiy letopisi [Siberian chronicles]. St. Petersburg, 1907.
- Solodkin Ya.G. (2011) Khronologiya «Sibirskogo vzyatiya» v russkom letopisanii kontsa XVI–XVII vv. [Chronology of the “Siberian Capture” in the Russian Chronicle of the Late 16th–17th Centuries], *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, no. 4 (46), pp. 52–57.
- Solodkin Ya.G. (2015) Okonchatel'nyy razгром Kuchuma (1598 g.) v Sibirskoy letopisnoy traditsii [The final defeat of Kuchum (1598) in the Siberian chronicle tradition], *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, pp. 23–28.
- Khudyakov Yu.S. (2013) Izobrazheniya oruzhiya tatarskikh I russkikh voynov na miniatyurakh Remezovskoy letopisi [Images of weapons of the Tatar and Russian warriors on the miniatures of the Remezov Chronicle], *Srednevekovyye tyurko-tatarskiye gosudarstva*, no. 5, pp. 114–118.

Сведения об авторе:

ЧЕРНЫШОВ Сергей Андреевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: 1502911@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sergey A. Chernyshov, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 1502911@mail.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 17 января 2022 г.;
принята к публикации 16 марта 2023 г.*

*The article was submitted 17.01.2022;
accepted for publication 16.03.2023.*